

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-211-222>

О понятии категории «социальная структура городского населения» в ранний советский период (на примере Курской губернии)

Н. В. Петров¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: petrovkolya97@mail.ru

Резюме

Актуальность. Стратегическое планирование развития территорий невозможно без учета особенностей истории, географического положения, специфики производственно-экономического потенциала региона как факторов, оказывающих влияние на количественно-качественные показатели населения. В условиях воздействия мощных дестабилизирующих событий военно-политического и экономического характера опыт первого десятилетия советской власти по управлению городскими сообществами полезен для определения вектора трансформации государственных институтов, что требует определения содержания категории «социальная структура городского населения» в постреволюционный период.

Цель – раскрыть содержание понятия «социальная структура городского населения» в ранний советский период на примере Курской губернии.

Задачи: соотнести социологическое понимание, сложившуюся практику трактования Курским губернским комитетом РКП(б)-ВКП(б) и подходы советских и современных исследователей к понятию «социальная структура городского населения».

Методология. Для достижения поставленных цели и задач исследования автором использованы принципы историзма, объективности и системности. Оценка социологического понимания социального состава потребовала применения междисциплинарного подхода. Кроме того, в методологическом аппарате исследования имеются историко-генетический, ретроспективный, историко-сравнительный методы.

Результаты. Разработан концепт категории «социальная структура городского населения» в первое постреволюционное десятилетие с учетом региональных особенностей развития Курской губернии, а также состояния историографии вопроса.

Вывод. Категория «социальная структура городского населения» представляет собой сложное понятие, которое с учетом событий первого десятилетия советской власти включает в объем своего содержания совокупность групп людей, объединенных исходя из политико-идеологического развития государства и количественно-качественных признаков жизнедеятельности населения в пределах конкретной городской территории с учетом исторических и экономических факторов.

Ключевые слова: городские сообщества; количественно-качественные показатели; социальный состав; советский период; трансформация.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Петров Н. В. О понятии категории «социальная структура городского населения» в ранний советский период (на примере Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 211–222. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-211-222>

Поступила в редакцию 28.08.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Опубликована 31.10.2024

On the concept of the category “social structure of the urban population” in the early Soviet period (on the example of the Kursk province)

Nikolay V. Petrov¹✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉e-mail: petrovkolya97@mail.ru

Abstract

Relevance. Strategic planning of the development of territories is impossible without taking into account the peculiarities of history, geographical location, specifics of the production and economic potential of the region as factors influencing the quantitative and qualitative indicators of the population. Under the influence of powerful destabilizing events of a military, political and economic nature, the experience of the first decade of Soviet power in managing urban communities is useful for determining the vector of transformation of state institutions, which requires determining the content of the category «social structure of the urban population» in the post-revolutionary period.

The purpose – to reveal the content of the concept of the “social structure of the urban population” in the early Soviet period on the example of the Kursk province.

Objectives: to correlate the sociological understanding, the established practice of interpretation by the Kursk Provincial Committee of the RCP(b)-VKP(b) and the approaches of Soviet and modern researchers to the concept of “social structure of the urban population”.

Methodology. To achieve the set goals and objectives of the study, the author uses the principles of historicism, objectivity and consistency. The assessment of the sociological understanding of social composition required the application of an interdisciplinary approach. In addition, the methodological apparatus of the study includes historical-genetic, retrospective, historical-comparative methods.

Results. The concept of the category “social structure of the urban population” was developed in the first post-revolutionary decade, taking into account the regional peculiarities of the development of the Kursk province, as well as the state of the historiography of the issue.

Conclusion. The category “social structure of the urban population” is a complex concept, which, taking into account the events of the first decade of Soviet power, includes in its scope a set of groups of people united on the basis of the political and ideological development of the state and quantitative and qualitative signs of the vital activity of the population within a specific urban area, taking into account historical and economic factors.

Keywords: urban communities; quantitative and qualitative indicators; social composition; the Soviet period; transformation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Petrov N.V. On the concept of the category “social structure of the urban population” in the early Soviet period (on the example of the Kursk province). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(5):211–222. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-211-222>

Received 28.08.2024

Accepted 30.09.2024

Published 31.10.2024

Введение

В статье предпринята попытка обобщения знаний о содержании понятия «социальный состав городского населения» в первое десятилетие советской власти на региональном уровне. Этот период истории наполнен рядом событий, суще-

ственно повлиявших на процессы трансформации структуры российского общества, интересен тем, что руководство страны ставило масштабные задачи по установлению и закреплению советской власти на местах, восстановлению экономики после ведения боевых действий,

повышению профессионально-образовательного уровня граждан. Успешное решение возникших перед управленцами проблем было невозможным без координации советскими органами власти и партийным руководством вопросов политического уровня населения и количественно-качественных показателей территорий.

Как нами подчеркивалось в предыдущих исследованиях, роль городского населения в становлении молодого советского государства с точки зрения работы с слабо теоретически подготовленным и плохо вовлеченным в политические процессы сельским населением была значимой [1, с. 223]. В связи с этим весьма востребованы исторические исследования, посвященные различным характеристикам городского населения, его повседневной жизни, профессиональному становлению, а также демографии. Вместе с тем указанные показатели жизнедеятельности городских сообществ не существуют обособленно. Они связаны между собой и взаимно влияют друг на друга, поэтому важно наличие системообразующего понятия, отражающего всю суть происходящих в рамках города процессов.

Таким понятием может выступить «социальная структура городского населения», но на настоящий момент в самых разнообразных источниках и научной литературе нет единого видения относительно содержательной части категории. Более того, социальный состав населения понятие более широкое по сравнению с понятием социального состава городского населения, что сказывается на степени изученности и научного интереса к рассматриваемой в настоящей статье дефиниции, имеющей социологическое начало, но подвергшейся коренному изменению вследствие смены общественно-политического строя в 1917 г.

Стратегическое планирование по достижению показателей экономического роста невозможно без учета особенно-

стей истории, географического положения, специфики хозяйственного потенциала региона как факторов, оказывающих влияние на количественно-качественные показатели населения. Современное состояние производственного сектора Курской области основано не только на текущих принимаемых решениях системой органов единой публичной власти, но и исторической преемственности сложившихся до Октябрьской революции и активно развивавшихся в советский период отраслей промышленности. Необходимо осознавать эту преемственность при обсуждении будущего региона, что особенно актуально в свете приближающегося тысячелетия города Курска в 2032 г.

В условиях воздействия мощных дестабилизирующих событий военно-политического и экономического характера опыт первого десятилетия советской власти по управлению городскими сообществами полезен для определения пути трансформации государственных институтов, что требует определения содержания категории «социальная структура городского населения» в постреволюционный период.

Настоящее исследование построено на объединении результатов анализа соотношения социологического понимания, сложившейся практики толкования Курским губернским комитетом РКП(б)-ВКП(б), а также органами советской власти и подходов советских и современных историков к понятию «социальная структура городского населения».

Методология

Настоящее исследование проведено с применением базовых принципов исторической науки. Соблюдение принципа историзма позволило оценить составляющие элементы социальной структуры городского населения с учетом специфики событий раннего советского периода. С помощью принципа объективности автору удалось беспристрастно показать влияние коммунистического учения на

видение социальной структуры городского населения партийными работниками Курской губернии, а принцип системности в проведенном исследовании дал возможность представить содержание социального состава населения городов как совокупность взаимосвязанных элементов.

Междисциплинарный подход необходим для представления состава городских сообществ как социологической категории с учетом реалий постреволюционной действительности, сложившихся в Курской губернии.

Сопоставление понимания сущности социального состава горожан в советской и современной историографии потребовало обращения к историко-сравнительному методу, стремление выделить и классифицировать типовые исследовательские модели структуры городов к типологическому, а восстановление событий первых лет советского государства применительно к цели и задачам в данной работе к ретроспективному методу.

Результаты и их обсуждение

Известное социологии понятие «социальная структура» трактуется учеными достаточно широко. В общем виде она определяется как модель устойчивого развития [2, с. 170]. Применительно к хронологическим рамкам настоящей работы вряд ли можно говорить о достоинстве данного социологического подхода. В условиях формирования неизвестной мировой практике государственности о какой-либо устойчивости в общественных отношениях во время слома сословного деления общества и его коренной трансформации под влиянием коммунистического учения утверждать невозможно, так революционные события развивались стремительно.

О. И. Водяненко считает, что наиболее приемлема разработанная М. Вебером модель социальной стратификации, описывающая социальную структуру общества с помощью следующих пара-

метров: класс, отношения собственности, социальный статус и объем власти [3, с. 13].

Исходя из деления всего общества на четыре класса: верхний, средний, базовый и низший, а также критериев социальной стратификации, можно утверждать, что автор не учитывает общественно-политические особенности развития государства в определенный момент времени как основной признак социальной структуры [3, с. 15]. Думается, такой подход не совсем точно отражает особенности динамики сообществ (в том числе и городских) при смене государственного строя в постреволюционной действительности.

Социальная структура понимается и как пространство, где социальные группы отличаются между собой по объему экономической или политической власти [2, с. 171]. Обязательным элементом любой социальной структуры является неравенство социальных групп. В целом представленное понимание сущности социальной структуры согласуется с основами теории социальной стратификации. Однако эти определения видятся упрощенными относительно городских сообществ, поскольку в них слабо учитываются объективные и характерные для любой общности людей признаки: возраст, пол, профессия, национальность и др.

Как систему показателей о населении социальный состав горожан трактует О. В. Кобяк¹. В признаки этого понятия автор вкладывает процесс их формирования на конкретной городской территории, историческую обусловленность показателей и их демографическую направленность. Критерии классификации достаточно разнообразны и касаются возрастно-полового соотношения в числен-

¹ Социология: энцикл. Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом. URL: <https://sociology-encyclopedia.academic.ru/236>. (дата обращения: 29.07.2024).

ности горожан, национальной принадлежности, брачного состояния граждан.

Разработанный социологом подход к пониманию сущности интересен еще и тем, что в нем учтены факторы исторического развития региона, стратегии государственной политики и экономической составляющей городов определенного региона. Считаем, что подобного рода толкование сущности социального состава городского населения оптимально, поскольку в нем отражена сложность и многофакторность этого явления, оно не ассоциируется с простой совокупностью различных характеристик жизнедеятельности горожан. Именно это определение возьмем за основу для его сравнения с пониманием социального состава населения в первое постреволюционное десятилетие.

В практическом смысле работа по формированию нового социального состава обществ началась с радикального решения вопроса о соотношении классов как структурной единицы советского общества и сословий как единицы стратификации в дореволюционной России. Декретом ВЦИК от 23 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» сословное деление общества было фактически отменено, правовых оснований для закрепленных привилегий больше не осталось. Население страны получило общее название – граждане.

Необходимо отметить и Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 5 февраля 1918 г., исключивший из социального состава духовенство политически, потому что даже в учете населения больше не требовалось изучать принадлежность к какой-либо религии. Как установлено специалистами по проблеме, процесс ограничения прав представителей религиозных организаций не был простым и однородным, поскольку к 1922 г. не удалось достичь задачи по полному уничтожению обитателей, в Курской губернии закрыта была лишь одна [4, с. 159].

Работа по созданию новой модели советского общества отражена в положениях республиканских конституций 1918 и 1925 гг. Общими чертами для основных законов стало установление городского пролетариата как основной социальной группы в населении городов. Кроме того, в ст. 23 Конституции РСФСР 1918 г. закреплена норма, позволявшая лишать прав представителей других социальных групп в пользу рабочих, что соответствует классовому подходу к социальному составу населения¹.

О других социальных группах, образующих структуру городских сообществ, можно узнать, изучив ст. 65 Основного закона, где приводился перечень лишенных избирательных прав лиц. Разработчики Конституции РСФСР 1918 г. коснулись различных признаков социального состава городского населения при определении категорий граждан, исключенных из избирательного процесса: профессиональный в отношении торговцев и использовавших наемный труд; уровень дохода в отношении живших не за счет полученных за осуществление работы денежных средств; отношение граждан к религии для духовенства; граждане с девиантным поведением (совершившие определенные категории преступлений) и недееспособные вследствие психического расстройства; отношение к царскому режиму (сотрудники полицейских органов).

Представители партийного актива Курской губернии положительно оценили принятие Основного закона, указав, что среди достоинств «выработанной нами Конституции» нужно выделить, что к управлению советским государством допускаются только трудящиеся граждане [5, л. 33 об.]. Из данного суждения

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: [принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1918.htm> (дата обращения: 29.07.2024).

можно утверждать, что курыне и жители других уездных городов приняли революционные события, считали себя причастными к ним и выражали надежду на скорейшее достижение коммунистических целей.

Во второй половине 1920-х гг. конституционное оформление различных аспектов социальной структуры городского населения продолжилось. В Конституции РСФСР 1925 г. несколько расширилось регулирование отдельных признаков. К примеру, в ст. 8 видится стремление решить вопросы образовательного уровня горожан при закреплении права на «полное, всестороннее и бесплатное» образование¹.

Классовый подход к структуризации советского общества по-прежнему сохранялся, что продемонстрировано в нормах Конституции РСФСР 1925 г., посвященных устранению препятствий в использовании средств печати в прямой зависимости от средств капитала, а также лишению политической и экономической власти имущих классов.

Помимо того, что дефиниция «социальный состав» использовалась не только при описании населения страны, но и при обсуждении большевиками состава партии. В этом случае тоже использовался классовый принцип, из-за которого структура общества выглядела несколько упрощенной и включала в себя классы, проживавшие в городе: рабочие, служащие и «прочие» [6, л. 26]. В середине 1920-х гг. Курский губернский комитет ВКП(б) заявлял о необходимости повышения процентного содержания в составе ВКП(б) рабочих с 40,4% до 50%. Как видим, в период с 1918 по 1928 г. присутствовала двойственность в применении

понятия «социальный состав», т. к. государственная политика проводилась сначала в отношении партии большевиков, а затем уже в отношении всего населения. Это видится вполне логичным, потому что руководству региона нужно было определить благонадежный состав лиц, задавших вектор развития городов, которые осуществляли основной пласт политической работы среди населения.

Категория «социальный состав» имела экономический смысл при описании особенностей представительства социальных групп в различных видах городской кооперации. При их обозначении партийные организации выбрали за основу признак, характеризующий профессию или иной род занятий горожан: рабочие, служащие, учащиеся, кустари, прислуга [7, л. 55].

Итак, в процессе государственного строительства в первые годы существования советского государства термин «социальная структура городского населения (социальный состав)» применялась в субъективном и объективном смысле. Мы не случайно выделяем субъективный смысл рассматриваемого явления на первый план, его содержание представляет взгляд большевиков на стратификацию отдельных групп людей при абсолютном соблюдении классового принципа, в соответствии с которым одни социальные группы получают власть и связанные с ней преимущества, а другие ограничены или вовсе лишены прав. Именно субъективный взгляд на население городов политически ориентировал его динамику.

В объективном смысле социальную структуру городских сообществ составляли атрибуты повседневности, существующие в любом обществе: демография, образование, здравоохранение и промышленность, но управление ими производилось под влиянием субъективных факторов.

Переходя к обсуждению исторических исследований, посвященных социальному составу населения (в том числе

¹ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: [утв. постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508614/ (дата обращения: 29.07.2024).

городского), следует отметить достаточное количество трудов, так или иначе касающихся этого вопроса.

Специальные работы в 1920-е гг. нами не были выявлены, имеются монографии, посвященные отдельным признакам жизни горожан. На начальном этапе развития советской исторической науки исследователи обращали внимание на зарождение рабочего класса [8], специфику мелкой промышленности [9], особенности расширения состава населения во времена НЭП с восстановлением отдельных буржуазных элементов [10]. Как для практической реализации политической линии в отношении горожан, так и в исследованиях первого десятилетия советского государства классовый подход стал доминирующим при изучении общества.

В 1930–50-е гг. появились первые работы, в которых прослеживается попытка обобщить понятие социальной структуры населения. Так, при определении методологии изучения состава рабочего класса Б. Л. Маркус устанавливал варианты его формирования, выделив следующие: лица, ставшие представителями рабочего класса, будучи представителями иных социальных групп (например, крестьяне при переезде из города в деревню), либо политически исключенные из социального состава населения страны лица [11, с. 32]. Подобное видение содержания понятия «социальный состав» даже в рамках одного класса нельзя назвать целостным, потому что в нем учтено лишь дореволюционное происхождение человека и проигнорированы объективные признаки.

Достойна внимания работа Г. Е. Глезермана, который сумел отразить особенности процесса смены сословного критерия стратификации общества на классовый принцип, выявлены закономерности перехода к обществу социалистического типа [12]. Недостатком труда автора видится его явная идеологическая направленность и отсутствие обобщающих вы-

водов о содержательном аспекте понятия социального состава населения.

Как научное направление разработка проблемы определения сущности социального состава городского населения сформировалась в поздний советский период. Историко-социологическое исследование О. В. Шкатаряна является одним из первых, где социальная структура общества обозначена как «совокупность общественных групп», обладающих следующими признаками: взаимосвязь индивидов внутри группы, историческая обусловленность их образования; экономическое влияние на складывающиеся внутри общественной группы социальные связи [13, с. 29]. Сама социальная структура позиционировалась как средство оценки социального неравенства во время классовой борьбы. Сравнивая проанализированное определение социального состава с современным социологическим подходом, существенных различий выявить не удалось: единственным отличием является классовость определения от советского ученого, что характерно для исторических исследований в рамках формационного подхода в тот период.

В монографии К. П. Буслова, в отличие от предшественников, имеет место разграничение терминов «социальная структура» и «социальный состав»: первое понятие шире и может существовать некоторое время даже при достижении коммунизма [14, с. 9]. Рассуждения построены таким образом, что целью развития социального состава в СССР стало достижение у граждан единых экономических и политических целей при руководящей роли партии большевиков. Для данной работы также присущ классовый подход.

В представленных выше трудах не показано деление населения на городское и сельское, т. к. другие критерии стратификации вызвали больший научный интерес историков. В связи с этим особо ценен вклад В. Б. Жиромской в уяснении

понятия признаков социального состава городского населения, разработан нетипичный для советской историографии вариант освещения анализируемого термина. Во-первых, демографические, этнические, профессиональные признаки социального состава поставлены наряду с классовым признаком. Во-вторых, динамика классовой принадлежности описана наряду с «социальными слоями», куда включены кустари, ремесленники и другие профессиональные группы [15, с. 12]. Во взглядах В. Б. Жиромской видится попытка продемонстрировать узость классового подхода к содержанию социального состава городского населения.

У современных исследователей интерес к структуре городских сообществ не ослабевает. В научных работах постсоветского периода наблюдается неоднородность в использовании терминологии при изучении социального состава городского населения.

В. Н. Письменов ввел в научный оборот термин «социально-партийный состав» для выявления особенностей кадрового состава городских советов Курской губернии [16, с. 248]. Думается, здесь прослеживается сочетание классового подхода и намерение продемонстрировать объективные признаки определенной части городских сообществ.

Классовый принцип взят за основу при решении задачи по выявлению закономерностей становления социального состава населения при его классификации на рабочих и крестьян, а как основные факторы для формирования общества нового типа выделены государственная политика и экономические условия жизни региона у А. Н. Пеньковой [17]. Т. В. Юрина, наоборот, отказалась от классового деления общества при рассмотрении вопроса влияния государственной политики на социальный состав населения Среднего Поволжья, применив территориальный критерий деления на сельское и городское [18]. Рассматривая социальный состав горожан, Т. В. Юрина

обратила внимание на его вовлечение в экономическую жизнь страны и специфику занятости. В подобном ключе, через профессиональный признак, социальный состав городов Астраханской области раскрыт у Г. Г. Корноуховой [19, с. 41].

Особенностью исследовательских установок С. А. Головина выступает использование понятия «класс» в его социологическом смысле в части деления советского общества в зависимости от объема власти на низшие, средние и высшие слои [20, с. 122].

В. А. Журавлева при анализе динамики демографического развития Урала в 1920–30 гг. полностью отказалась от классового понимания состава городских сообществ. При выполнении исследовательской задачи с помощью обобщающей дефиниции «состав городского населения Урала» установлены региональные особенности социально-экономической структуры региона, занятия городского населения, а также его национальная принадлежность и уровень грамотности [21]. И. М. Козолина также придерживается современного социологического понимания социального состава городского населения, который, по ее мнению, складывается из демографических, языковых, профессиональных, национальных показателей [22].

В отдельных трудах, где вопрос социальной структуры городского населения в 1920-е гг. не ставится напрямую, прослеживаются присущие современному этапу развития исторической науки тенденции по продвижению идеи о социальном составе как совокупности социальных групп на основе классово-профессиональных характеристик. В частности, это касается работ, посвященных номенклатуре как социальной группы, способствовавшей однородности социального состава [23]; структуризации российского общества первой половины XX века в целом [24] и проблемам идентификации городского населения в избирательной статистике 1920-х гг. [25]

Выводы

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что в советском государстве категория «социальная структура городского населения» отличалась от современного социологического концепта, что подтверждает изучение республиканских конституций и практики партийной работы Курского губернского комитета РКП(б)-ВКП(б), а также анализ историографии проблемы. До 1925 г. характерно повышенное внимание властвующего субъекта на политико-идеологическую составляющую категории «социальный состав населения», тогда как во второй половине 1920-х гг., помимо субъективного понимания, раскрываются и отдельные аспекты его объективных признаков (здравоохранение, образование, профессии). Кроме того, в исследовании удалось обосновать и продемонстрировать сложность состава населения городов как историко-социологического явления: в молодом государстве возникла потребность в работе с социальным составом партии, а лучшим с политической точки зрения ее членам надлежало заняться серьезной задачей по формированию управляемых городских сообществ.

Краткий историографический обзор наглядно доказал, что в исторической науке отсутствует концептуальное понимание содержательных признаков социального состава городского населения, которое редко становилось самостоятельным предметом исследования. Советские историки в большинстве своем поддерживали классовую основу организации общества, лишь в 1980-х гг. замечены попытки отказаться от нее и показать ограниченность подобного толкования. В настоящий момент согласованность по вопросу также не достигнута, т. к. в одних работах имеет место использование субъективного значения социального состава, а в других сочетание субъективного и объективного значений.

В целях восполнения пробела в историческом знании по содержанию категории «социальная структура городского населения» в ранний советский период предлагаем ввести в научный оборот следующее определение: «совокупность групп людей, объединенных исходя из политико-идеологического развития государства и количественно-качественных признаков жизнедеятельности населения в пределах конкретной городской территории с учетом исторических и экономических факторов».

Список литературы

1. Петров Н. В. Взгляды представителей партийно-политического актива Курской губернии на изменение социальной структуры городского населения (1918–1921 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 220–230. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-220-230>
2. Буторина А. А. Влияние изменений социальной структуры на сущность, формы и основные направления социальной политики в современной России // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 3. С. 170–173.
3. Водяненко О. И. Социальная структура как основа формирования социальной экономики // Наука и общество. 2018. № 1(30). С. 12–17.
4. Емельянов С. Н. Власть и церковь: эволюция государственной религиозной политики и институтов церковного управления в губерниях Центрального Черноземья. 1917–1922. М.; Курск: Изд-во МГСУ «Слово», 2001. 176 с.
5. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-65. Оп. 1. Д. 19.
6. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 380.
7. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 333.

8. Струмилин С. Г. Наши трудовые ресурсы и перспективы. М.: Гос. Общеплановая комис., 1922. 15 с.
9. Рыбников А. А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М.: Кооп. изд-во, 1922. 52 с.
10. Бубнов А. С. Буржуазное реставраторство на втором году НЭПа. Пг.: Прибой, 1923. 61 с.
11. Маркус Б. Л. К вопросу о методах изучения социального состава пролетариата СССР // История пролетариата СССР. 1930. № 2. С. 23–71.
12. Глезерман Г. Е. Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М.: Госполитиздат, 1949. 492 с.
13. Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР: (Историо-социол. исследование). М.: Мысль, 1970. 471 с.
14. Буслов К. П. Социально-историческое развитие классов в СССР. М.: Наука и техника, 1979. 344 с.
15. Жиромская В. Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М.: Наука, 1988. 168 с.
16. Письменов В. Н. Социально-партийный состав городских советов в Курской губернии в 1924–1927 гг. // Вопросы истории и краеведения: материалы II межрегиональных историко-краеведческих научных чтений, посвященных памяти кандидата исторических наук Лидии Алексеевны Медведской (к 75-летию со дня рождения). Курск: Курск. гос. мед. ун-т, 1999. С. 248–251.
17. Пенькова А. Н. Анализ основных процессов изменения социальной структуры общества в переломные моменты истории России (на примере Центрального Черноземья) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 1 (22). С. 145–150.
18. Юрина Т. В. Определение государственных задач и их влияние на социальную структуру общества: исторический аспект // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2007. № 7. С. 24–30.
19. Корноухова Г. Г. Региональные особенности трансформации социальной структуры городов СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах Астраханской области) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2. С. 38–49.
20. Головин С. А. Особенности социального состава населения на Дальнем Востоке РСФСР в 20–30-е годы XX века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2006. № 2 (10). С. 118–128.
21. Журавлева В. А. Источники формирования городского населения Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2014. 242 с.
22. Колозина И. М. Методика проведения переписи 1920-х гг. и ее значение для социокультурной политики большевиков (на примере провинциального Саратова) // Общество: философия, история, культура. 2019. № 9(65). С. 103–106.
23. Пашин В. П. Номенклатура, высшее образование и формирование социально однородного общества в 1920-е гг. // История, теория, практика российского права. 2017. № 10. С. 37–48.
24. Беляева Л. А. Структурация российского общества в первой половине XX в. (по материалам отечественных исследований этого периода) // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 4. С. 15–42.
25. Саламатова М. С. Электоральный корпус советских городов: проблемы социальной идентификации и отражение в избирательной статистике 1920-х годов // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 11–24.

References

1. Petrov N.V. The views of representatives of the party and political activists of the kursk province on the change in the social structure of the urban population (1918–1921). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(1):220–230. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-220-230>
2. Butorina A.A. The influence of changes in the social structure on the essence, forms and main directions of social policy in modern Russia. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki = Bulletin of the Pomeranian University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2006;(3):170–173. (In Russ.)
3. Vodyanenko O.I. Social structure as the basis for the formation of a social economy. *Nauka i obshchestvo = Science and society*. 2018;(1): 2–17. (In Russ.)
4. Yemelyanov S.N. Power and the Church: the evolution of state religious policy and institutions of church administration in the provinces of the Central Chernozem region. 1917-1922. Moscow, Kursk: Izd-vo MGSU "Slovo"; 2001. 176 p. (In Russ.)
5. GAOPIKO (The State Archive of the Socio-Political History of the Kursk region). F. P-65. Op. 1. D. 19. (In Russ.)
6. GAOPIKO. F. P-65. Op. 1. D. 380. (In Russ.)
7. GAOPIKO. F. P-65. Op. 1. D. 333. (In Russ.)
8. Strumilin S.G. Our labor resources and prospects. Moscow: Gos. Obshcheplanovaya komis.; 1922. 15 p. (In Russ.)
9. Rybnikov A.A. Small industry and its role in the restoration of the Russian national economy. Moscow: Coop. izd-vo; 1922; 52 p. (In Russ.)
10. Bubnov A.S. Bourgeois restoration in the second year of the NEP. Petrograd: Priboy; 1923. 61 p. (In Russ.)
11. Markus B.L. On the question of methods for studying the social composition of the proletariat of the USSR. *Istoriya proletariata SSSR = History of the proletariat of the USSR*. 1930;(2):23–71. (In Russ.)
12. Glezerman G.E. Liquidation of exploitative classes and overcoming class differences in the USSR. Moscow: Gospolitizdat; 1949. 492 p. (In Russ.)
13. Shkaratan O.I. Problems of the social structure of the working class of the USSR: (Historical and sociol. research). Moscow: Mysl; 1970. 471 p. (In Russ.)
14. Buslov K.P. Socio-historical development of classes in the USSR. Moscow: Science and Technology; 1979. 344 p. (In Russ.)
15. Zhiromskaya V.B. The Soviet City in 1921– 1925: problems of social structure. Moscow: Nauka; 1988. 168 p. (In Russ.)
16. Pis'menov V.N. Socio-party composition of city councils in Kursk province in 1924-1927. In: *Voprosy istorii i kraevedeniya: materialy II mezhregional'nyh istoriko-kraevedcheskih nauchnykh chtenij, posvyashchennyh pamyati kandidata istoricheskikh nauk Lidii Alekseevny Medvedskoj (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya) = Questions of history and local lore: materials of the II interregional historical and local lore scientific readings dedicated to the memory of candidate of historical sciences Lidia Alekseevna Medvedskaya (to the 75th anniversary of her birth)*. Kursk: Kursk. gos. med. un-t; 1999. P. 248–251. (In Russ.)
17. Pen'kova A.N. Analiz osnovnykh protsessov izmeneniya sotsial'noy struktury obshchestva v perelomnye momenty istorii Rossii (na primere Tsentral'nogo Chernozem'ya). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2017;(1):145–150. (In Russ.)

18. Yurina T.V. Definition of state tasks and their impact on the social structure of society: historical aspect. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo* = *Proceedings of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky*. 2007;(7):34–40. (In Russ.)
19. Kornoukhova G.G. Regional peculiarities of the transformation of the social structure of the cities of the USSR in the 1920s-1930s (or materials of the Astrakhan region). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* = *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*. 2007;(2):38–49. (In Russ.)
20. Golovin S.A. Features of the social composition of the population in the Far East of the RSFSR in the 20-30s of the XX century. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* = *Social and humanitarian sciences in the Far East*. 2006;(2):118–128. (In Russ.)
21. Zhuravleva V.A. Sources of formation of the urban population of the Urals in the 1920s-1930s. Chelyabinsk: Izd. tsentr YuUrGU; 2014. 242 p. (In Russ.)
22. Kolozina I.M. The methodology of the census of the 1920s and its significance for the socio-cultural policy of the Bolsheviks (on the example of provincial Saratov). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* = *Society: philosophy, history, culture*. 2019;(9):103–106. (In Russ.)
23. Pashin V.P. Nomenclature, higher education and the formation of a socially homogeneous society in the 1920s. *Istoriya, teoriya, praktika rossijskogo prava* = *History, theory, practice of Russian law*. 2017;(10):37–48. (In Russ.)
24. Belyaeva L.A. The structure of Russian society in the first half of the XX century (based on the materials of domestic research of this period). *Vestnik Instituta sociologii* = *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2020;(4):15–42. (In Russ.)
25. Salamatova M.S. Electoral corps of Soviet cities: problems of social identification and reflection in electoral statistics of the 1920s. *Istoricheskij kur'er* = *Historical Courier*. 2024;(1):11–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2024-1-1>

Информация об авторе / Information about the Author

Петров Николай Вячеславович, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: petrovkolya97@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9177-3903

Nikolay V. Petrov, Post-Graduate Student of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: petrovkolya97@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9177-3903